

С. С. Феокистова

ПОЭЗИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВОЕНКОРА СЕРГЕЯ ФЕОКИСТОВА В МУЗЫКЕ

*Его надо перечитывать, открывая новые ценности в каждой строке,
погружаясь в разнообразные мысли чистого разумом и сердцем человека.*

К. Паустовский, 1962.

*Прошлое — это ведь тоже богатство, почти материальное,
и оно переходит к потомкам вроде фамильного наследства.*

Валентин Пикуль.

Систематизированных исследований по музыкальному воплощению поэзии Сергея Феокистова (1913–1999) в доступной нам литературе не было обнаружено. Одно бесспорно: стихи Сергея Георгиевича вдохновляли дальневосточных музыкантов разных поколений, дарований и направлений — от скромных любителей, студентов музыкальных училищ до военных музыкантов и профессионалов с консерваторским образованием. Из его современников только композиторы Ю. Владимиров и Я. Менцер не поддались музыкальному обаянию поэзии «Амурского трубача».

Песни-стихи Сергея Георгиевича неравнозначны по художественным, литературным и музыкальным характеристикам. Но его куплеты отличаются патриотической гордостью и гражданской активностью, духовной силой и внутренней сдержанностью. Искренние и звонкие песни молодого учителя словесности, а позже — ротного запевалы, курсанта военного училища морских лётчиков, слагались на популярные молодёжные мотивы 1930-х годов. Они были востребованы к праздничным датам и государственным событиям страны:

...Сквозь снежные хлопья буранов,

Сквозь грозную тьму облаков

Повёл корабли Водопьянов

За тайной арктической льдов.

В громадные снежные горы,

В бассейны дрейфующих льдов

Ворвался под рокот моторов

Отряд легендарных орлов.

Припев: Их смелость не знает границы,

*Их сталинский разум ведёт.
Летят краснозвёздные птицы
Вперёд и вперёд, и вперёд!*
(«Песня о героях полюса», 1937) [27].

По воспоминаниям поэта-лётчика, он поверил в своё поэтическое предназначение, когда его очередную песню публиковала не одна газета, а три-четыре, включая центральные издания. Успех окрылял лейтенанта авиации, и после выхода авторского поэтического сборника «Крылатая Родина» (Краснодар, 1939) Сергей Феокистов согласился на перемену военной службы лётчика-штурмана на журналистскую работу. Командование направило перспективного литератора на учёбу в Московское военно-политическое училище им. В. И. Ленина на курс «Газетное дело».

«Хмурые тучи» Дальнего Востока встретили политрука в редакции газеты Дальневосточного фронта «Тревога». К 1940 году новый литсотрудник был автором около сотни боевых песен-стихотворений и нескольких поэм. На амурском рубеже главными мотивами поэзии С. Феокистова стали бдительность, боеготовность, многонациональное товарищество и боевое братство защитников «Восточного порога Отечества».

Искренние стихи амурского «полкового запевалы» были поэтическим, почти документальным перепевом боевых известей с фронта, голосом солдатских писем домой, надрывным пением вдов и невест:

*Здесь снова мерзкий свист над головой,
И по цепи приказ:
«Не открывать огня!»
— Земля родная, ты укрой меня,
А я — тебя прикрою, я — с тобой!
Как голоса всех ангелов высоких,
Как тихий звон колоколов далёких,
Тут слышат фронтовую тишину...
Так матерей священные молитвы
Их провожали знаменем на битву,
В жестокую окопную войну...
(«Амурская молитва», 1942) [11].*

Строки пронзительного, «чернорабочего репортажа об окопной выдержке и стойкости бойцов Дальневосточного фронта» находили в солдатских блокнотиках и фронтовых треугольниках. Без указаний на автора эти песни несли клятвенную веру каждого бойца в победу правого дела. Как и другие

фронтовые летописцы Великой Отечественной, Сергей Феоктистов «служил, жил и профессионально рос на войне», и всю оставшуюся жизнь он исполнял долг солдатского сердца и клятву военного корреспондента: «Не умалять ни радости, ни горя; ведь ложь о войне — как гвоздь в сапоге» (К. Симонов).

На восточном крае войны у боевого репортёра круглосуточная несменяемая вахта. Ежедневные известия о солдатских подвигах и потерях требовали изыскивать и находить выразительные, полнокровные, простые и вечные слова, обжигающие слух и глаза, душу и сердце. Журналистские дороги по гарнизонам познакомили поэта с военными композиторами Дальневосточного военного округа, а творческая дружба с Владимиром Румянцевым имела затем 40-летнее продолжение. Патриотический накал лейтенантских творений был созвучен суровым испытаниям, которые создатели песен переживали в рядах защитников дальневосточных рубежей. Тема Родины звучала не пейзажными зарисовками, а болью и тревогой за судьбу родной стороны и близких людей. Боевое песенное творчество воплощало настроения земляков, воинов-побратимов из всех республик Союза, грозное звучание имён и славы героям Дальневосточного фронта. Фольклорные родники звенели национальной гордостью в воинственных обращениях, оборотах, ритмике фронтовых репортажей:

*...Танки кромсают наши дуга,
Наши поля в крови...
Останови, одолей врага,
Горло ему порви!
Сталью залей его с высоты —
Жалость из сердца вон!
Если врага не задушишь ты,
Нас растерзает он...
Дети героем зовут тебя,
Любят — сильнее отца.
Так оправдай надежды ребят!
Выполни долг бойца!
(«Соколу моей родины», 1942; марш) [33].*

Подвигами героев-дальневосточников полыхали и гремели военные баллады и строевые марши, слова и ритмы которых наполняли память и сердца красноармейцев, согревали совесть и гордость земляков:

*Фронтвик Иван Петров —
Сахалинский зверолов,*

*Лучший снайпер батальона,
Был грозой для врагов.
Он в атаке с нами был,
Он штыком врага разил.
Он от пули чужеземца
Командира заслонил...*

(«Фронтовик Иван Петров», 1942; муз. В. Румянцева) [35].

Поэт настойчиво требовал, и командование направляло его из полка в батальон, из укрепрайона — на погранзаставу, до рубежа: «Дальше нельзя, дальше — передний край, японцы». Фронт был в солдатских окопах, под снарядами и зажигалками боевых полигонов и учебных стрельбищ. Дальневосточный фронт «дышал» в противопожарных дружинах и в железнодорожных составах, сражался на рыбацких катерах и на полянах лесозаготовок.

Фронтные баллады поэта документально воссоздавали монументальные образы защитников дальневосточных бастионов, раскрывали героические события на границе, беды и победы на всех фронтах кровопролитной многолетней войны.

Музыка политрука-композитора В. Румянцева превращала эпические повествования в хоры и гимны, «обогащала их и облагораживала воинствующей напевностью и творческой индивидуальностью военного музыканта» [3]. Военная дружба лейтенантов обогащала их творческий потенциал и репертуары фронтовых концертных бригад. Это «Баллада о лёгчике Мише Пирогове» (1942), «Баллада о Максиме Пассаре» (1943), «Баллада о зенитчицах» (1943), «Баллада об Антоне Буюклы» (1947) и другие героико-эпические произведения о дальневосточных героях войны. Стихи и песни звучали по краевому радио, на армейских смотрах в Хабаровске, в спектаклях фронтового театра (на колёсах), в солдатских выступлениях на полевых сценах застав и укрепрайонов:

*В годину тяжкую одну
Ушли три брата на войну.
Седая свежая зола
Их к волжским плесам привела...
И стали три амура в ряд
За славный город Сталинград —
Испепелила до конца
Святая ненависть Бойца!
(«Баллада о ненависти», 1945) [11].*

Яркий, самобытный талант поэта в купе с литературным образованием позволяли раскрыть в разных жанрах единение отдельного солдата и воинского братства, верность солдатскому долгу и помощь крепкого народного тыла. насыщение стихов формами народного творчества (причитания, напевы, даже плач, с размытой границей между разговорной интонацией и вокалом) придавало поэтическим повествованиям музыкально-поэтический драматизм [8]. Фольклорные элементы куплетов и боевых частушек Сергея Феоктистова обрушивали хлёсткие пародии и сатиру на врагов-захватчиков, поднимали дух уставших бойцов («Как кубанские казачки не дают врагу подачки», 1942). В суровые интонации военных песен-маршей вплетались правда и глубина народных чувств: скорбь и мужество материнского горя и плача, тоска и любовь осиротевших детей, драматические обеты памяти и мщения жён, невест, сестёр:

По-детски нежная, с обветренным лицом

Смоленская колхозница Людмила

Неутомимо раненых бойцов

Из-под свинцовых ливней выносила.

(«О мужестве», ч. 2, 1942; муз. трилогия В. Румянцева) [24].

Мобилизующую ценность песен военной поры составляли гражданская позиция и политическая активность авторов, а поэтичность и мелодичность отдельных строк «подправлялась» фронтовыми и тыловыми интерпретаторами, о чём свидетельствуют многочисленные варианты популярных боевых перепевов. Такова «солдатская героико-патриотическая песня Сергея Феоктистова, опубликованная в ответ на Приказ Наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 “Ни шагу назад!”». Песня-обращение создана в ритме довоенной песни Никиты Богословского «Письмо в Москву» («Присядь-ка рядом, что-то мне не спится...», стихи М. Тевелёва). Политрук Сергей Феоктистов переложил приказ Главкома голосом народа, без ссылок на заградительные отряды и штрафные батальоны. Суровые слова песни казались отлитыми из свинца, от которого «перехватывало дыхание, как от морозных иголок немела спина... Сознательно идти навстречу пулям и снарядам могли только идейно убеждённые и закалённые патриоты», — писал доктор филологических наук П. Ф. Лебедев (1985):

...Друзья мои! За нами Дон и Волга,

Могучий непокорный Сталинград.

Святая клятва воинского долга

Нам все пути отрезала назад...

Да отрекутся матери и жены

*От тех, кто в страхе закрывал глаза,
Кто опозорил русские знамёна,
Кто перед танком пятился назад.
...Трус не найдёт ни отдыха, ни места
У тёплого солдатского костра.
Его прогонит гордая невеста,
И назовёт предателем сестра...
(«Родина зовёт!», 1942) [31].*

На фронте песня давала пищу голове и отдых душе. В каждодневной суровости, жестокости смертельного риска окопного фронта бойцы писали в редакцию газеты «Тревога»: «Не забывайте писать песни о родном доме, о мужестве оставленных в тылу женщин, подростков, детей». Как зоркий летописец солдатской стойкости в сражениях и боевого товарищества в обороне, Сергей Феоктистов чутко прислушивался к скупым солдатским заявкам, воплощал ожидания и веру воинов на встречи со своими родными и близкими в свинцовых сумерках холода, голода и блокады. «Каждому замыслу нужен для решения душевный ключ, а не дежурная отмычка. Мысли и чувства песни должны быть поэтически приподняты над ежедневностью бытия, должны без сиропа и клюквенности укреплять веру в Победу», — наставлял капитан С. Феоктистов молодых военкоров.

*...С утра двухлетнего сынишку
Она в дет-ясли отнесёт
И с малым узелком подмышкой
Бежит поспешно на завод.
Встаёт к станку, который Насте
Оставил муж Иван Шатров:
Здесь до войны весёлый мастер
Точил валы для тракторов.
Теперь увесистых снарядов
Растёт высокая гора —
Они нужны под Ленинградом,
У Таганрога и Днепра...
Пусть за окном метель и стужа,
А на лице у Насти — пот.
Ей кажется, что рядом с мужем
Она под пулями идёт...
(«Жена солдата, 1943) [17].*

Искренние песни продолжали свою долгую жизнь в концертах краевого радио, фронтовых бригад и выступлениях школьной самодеятельности, в солдатских блокнотиках и треугольных письмах. Для нынешних поколений поэтические зарисовки военкора предстают свидетельствами единства народа и армии в суровые дни испытаний. В них реальные наблюдения и проникновенные чувства автора переплетены и усилены народными притчами и героико-романтическими сказаниями.

*Край мой милый, хоромы лесные,
Говорливый амурский прибор!
Разве могут метели шальные
Разлучить наше сердце с тобой!
Что мы в сердце горячем носили
Сквозь кинжальную, злую картечь,
Всё, что нам заказала Россия,
Как народное счастье беречь...*

(«Край мой милый...», 1945; муз. В. Румянцева) [21].

После салютов Победы задравные гимны солдатскому долгу и окопному братству уступили мотивам пограничной бдительности и боевой готовности. С каждым годом всё меньше фронтовиков собирали площади и скверы Славы, но «эхо прошедшей войны должно быть знакомо» новым поколениям защитников амурских рубежей. И воин-поэт развивал и лелеял свои фронтовые напевы и мелодии, берёг своё боевое оружие, как артиллерийский порох. Ему удалось испытать и выразить себя в различных жанрах солдатской песни: патриотической и строевой, лирической и шуточной, в балладах и реквиеме.

Словесная музыкальность и звучность стихов С. Феокистова, насыщенная эмоциональность и динамическая завершённость сюжета позволяли композиторам создавать законченные музыкальные пьесы:

*...Он стал ей наречённым сыном,
Он заслужил её любовь.*

(«Сын», 1945; муз. В. Румянцева) [34].

Послевоенные песни обрели мирное дыхание, прежде всего, распевами о хозяйском отношении к жизни вчерашних освободителей, о вдохновении и трудовом подвиге, о жажде восстановления страны и возрождения урожая на израненных полях. Оптимизм солдата-победителя, вернувшегося к мирной земле, солнечное восприятие жизни звучат в стихах о строителях и рыбаках, испытателях машин и создателях сказочных садов, о шахтёрах

и геологах, осваивающих дальние уголки отчизны. «Любимое слово Сергея Феоктистова — «весёлый»: ветер, голоса детей, стук топора, палисад и т. д.» [4]. Зрение и слух поэта служат фиксаторами красоты и гармонии сурового и экзотического дальневосточного края:

*Как дивный парус Магеллана,
Узорной вышивкой горя,
Над неумолчным океаном
Встаёт весёлая заря...
Здесь у гранитного причала
Дробится звонкая волна,
Здесь ты берёшь своё начало,
Моя любимая страна.*

(«На самом дальнем рубеже...», 1947) [22].

Послевоенные песни военкора были неотъемлемой частью концертных программ большинства хоров, профессиональных и самодеятельных, и, прежде всего, ансамбля песни и пляски Дальневосточного военного округа. Лирические миниатюры Сергея Георгиевича искрились лучезарной романтикой, юмором и задором молодых энтузиастов, искателей и строителей новой жизни:

*Отплыла заря золотистая,
Собирая туман над рекой.
Здравствуй, пташка моя голосистая,
Соловей несмолкающий мой!
Ночка светлые ленты развесила
На красивый, как радуга, мост.
И гуляют над сопками весело
Хороводы смеющихся звёзд...*

(«Здравствуй, пташка моя голосистая!», 1955; муз. Г. П. Угрюмова) [19].

За долгий поэтический век поэт представил слушателям разные стили и жанры песен, воспевающих родные просторы Приамурья. Ему были подвластны самые трепетные мелодии души: вздохи тревог и надежд, всплески радости и счастья, тишина ожидания или боль отчаяния, пафос борьбы и ликование победы лирического героя, нежные переливы красок природы. Поэтому большинство стихотворных текстов Сергея Феоктистова и сегодня сохраняет самостоятельную литературную ценность.

Лаконичный жанр песни требует предельной чёткости, образности и ёмкости литературного языка. Умение поэта взлететь над прозой жизни,

песенное построение строфы, ритмичность (музыкальность) рифм и размер строк привлекали внимание композиторов разных поколений. По нашим неполным данным, более 20 музыкантов обращались к его искренней, горячей и искрящей поэзии. Сотня вокальных и инструментальных пьес свидетельствует, каким магнетизмом обладала его муза.

К легендарному стихотворению «Амур-батюшка» музыку в 1942 году создавали С. Томбак, Ф. Садовой, Г. Будённый, В. Кий и другие военные музыканты. Но конкурс командующего Дальневосточным фронтом к 1-й годовщине Победы под Москвой выиграла композиция В. Румянцева на стихи С. Феокистова [10]:

*Хранят, Амур, тебя отважные
И верные сыны,
Мила им травка, травка каждая
Заветной стороны.
Они за честь, за честь амурскую
Не раз ходили в смертный бой.
За волю нашу, землю русскую
Стояли насмерть под Москвой...*

«Когда на смотре песен, присланных на конкурс, зазвучала эта песня об Амуре-батюшке, душевное волнение охватило безусых солдат-добровольцев и израненных ветеранов. Их суровые лица выражали уверенность в Победе», — вспоминал ветеран ансамбля ДВВО поэт Аркадий Федотов [9]. В госпиталях «солдаты пели песню праведно и клятвенно, словно школьники. Няня в стареньком платке и докторша в кирзовых сапогах включались в песню, словно звучал сигнал к бою» (Е. Евтушенко, 1965).

В 1950-е годы хоровой гимн «Амур-батюшка» стал называться первой строкой, «подобно народной песне на все времена» [8]. Сегодня «Шуми, Амур» остаётся поэтическим послем Дальнего Востока, визитной карточкой Амура и Хабаровска в любом уголке России и далеко за рубежом.

Впервые мне довелось увидеть слёзы своего сурового отца на первом городском празднике песни (1957), когда на главной площади Хабаровска объединённый пятидесятитысячный хор и сводные военные оркестры грянули дальневосточную песню времён Великой Отечественной войны:

Шуми, Амур, шуми, наш батюшка, таёжная река...

Хабаровчане и почётные гости города, заполнившие центральную площадь и все прилегающие улицы, в едином порыве подхватили объединяющий и роднящий гимн:

*...Гуляй, гуляй, гуляй, безбрежная,
Э-э-х, родная, на века!
Кати волну, волну могучую,
Неси в морскую ширь!
На всю тайгу, тайгу дремучую,
Э-э-х, звени, наш богатырь!*

Душа поэта слышала в этом пении безостановочное течение Амура в бесконечном времени, бескрайность родного Приамурья, хранящего «музыкальный талисман эпохи в сердцах и генетической памяти военных поколений». Созданный в гуще событий приграничного рубежа «Амур-батюшка» в высшей мере воплотил дух и характер защитников Дальнего Востока. Песню называли музыкальной памятью военных лихолетий долгой окопной войны Дальневосточного фронта, на которой созрели и закалились творческие дарования авторов «Амура-батюшки».

Композитор В. И. Соловьёв-Седой вспоминал свои гастрольные поездки с квартетом под руководством В. Румянцева: «Эту песню, хорошо сделанную на замечательный текст, подхватили десятки и сотни исполнителей и ансамблей. Песня становится современной и массовой, если отвечает чаяниям народа. Легендарную песню о пограничной реке и её стражах исполняли солисты и многолюдные хоры, а лиричность, доверительность и интимность хора сохранялись в неприкосновенности» [7].

Судьба песни всегда трудно прогнозируется. После войны (1955), с подачи профессора А. В. Свешникова, Всесоюзное радио объявляло «Амур-батюшку» как современную народную песню. И на телефонные звонки поэт с гордостью отвечал: «Современный народ слушает».

Сергей Георгиевич говорил, что «если песню называют народной, это высшее признание земляков и соотечественников». И вместе с Владимиром Румянцевым отправлял протестные письма во Всесоюзное управление по охране авторских прав (ВУПОАП).

В 1960-е годы патриотичная мелодия подвергалась хоровым обработкам московскими композиторами. А. В. Александров и А. В. Свешников написали многоголосые переложения для своих академических хоровых коллективов. А клубные хормейстеры наоборот — адаптировали партитуры для коллективов художественной самодеятельности (К. Виноградов, 1958, 1961; В. Морозов, 1988; Н. Хриптуков, 2003 и др.).

Евгений Долматовский писал: «Иногда говорят, что Сергей Феокистов — автор одной песни. Не вижу в этом упрёка. Его знаменитая песня о фронте и

тыле Дальнего Востока создана в гуще и по следам событий. В ней в высшей мере проявились черты и характер его поколения» (1975). Отраднo, что на 150-летие Хабаровска «Амур-батюшка» прозвучал не только в традиционном исполнении ансамбля ДВВО. Праздник украсило соло молодой красавицы Сони Муратовой, обладательницы призов за пропаганду амурского гимна на Всероссийском конкурсе в Сочи (2004), на Славянском базаре в Витебске (2006), на жемчужном берегу Латвии (2009) ...

«Песня, как желанный ребенок, должна родиться в нужное время и в нужном месте, тогда она будет принята и востребована. На все края России Исаковских и Твардовских не хватает, а к новым праздничным дням народ ждёт новых радостных песен», — наставлял молодых военкоров член Союза писателей СССР подполковник Сергей Феоктистов.

Сам он работал очень много и вдохновенно, по-солдатски быстро мобилизуя свой музыкально-поэтический талант. Недаром Сергея Георгиевича называли народным поэтом первой полосы газет. Военно-патриотические песни С. Феоктистова открывали программы ансамбля песни и пляски ДВВО, когда идеологическому воспитанию молодых воинов отдавалось лучшее время в концертах и на радио. «Поэт удачных хоровых песен» создал десяток лирических и эстрадных песен для солдатской самодеятельности ансамблей НКВД и пограничного округа.

«Неидейные» шуточные номера быстро сходили с эфира. Однако лиризм и темперамент стихов, близость текстов к народным образцам и интонациям делали его песни и романсы родными и близкими молодёжи. Нередко демобилизованные воины находили по этим песням свою судьбу на Дальнем Востоке.

Яркие, лирические и романтические стихи С. Феоктистова отправлялись в студенческих блокнотах-песенниках, в рюкзаках бойцов строительных отрядов на северные новостройки края. Молодёжь волновали не только браваурные марши энтузиастов, они строили новые дороги и города родного края, искали и создавали свою судьбу, биографию:

*...Трепетно и радостно сияли
Звёзды над амурскою тайгой.
Только с вечера того
Жду напрасно я его.
Может, повстречался он с другой...
(«Сердце пылкое моё...»; муз. С. Томбака, 1955) [32].*

Патриотические стихи и песни С. Феоктистова «о любви к родному гнезду не приобрели общесоюзного звучания исключительно по вине

провинциальной скромности автора... Жизнь показывает, что и у более удачливых песенников только 5–10% созданного переживает век авторов. У большинства песен жизнь короче детского “агу” (М. К. Луконин, 1949).

Каталог музыкально-поэтического наследия Сергея Феокистова открывают патриотические и оборонные песни, созданные с музыкантами-любителями для самодеятельности Ейского военного училища морских лётчиков (1935–1937), красноармейских ансамблей Харьковского военного округа (1937–1939), а позднее — для Дальневосточного военного округа. Идейность военных песен и маршей замешана на убеждённости, фанатической преданности и вере автора власти, лишена лозунговых и декламационных перегибов, типичных для партийно-съездовских музыкально-риторических рапортов. Авторская требовательность к текстам вырабатывалась годами работы и постоянной политической учёбы. Поэт принципиально избегал «бригадных стихов с соавторами», ценил персональную ответственность за талант и слово. Руководители ансамбля песни и пляски ДВВО Ю. Абожин и В. Галенко анонсировали «Антологию военной дальневосточной песни» (1983), где песням Сергея Феокистова отводили почётное место. Но земляки не увидели хрестоматию песен Великой Отечественной войны, гимнов защитника восточных рубежей Отчизны. Перестройка скорректировала «благие порывы» музыковедов, отодвинула за горизонт публикацию антологии героических песен отцов, отстоявших дальневосточный порог Отечества и закончивших Вторую мировую войну на Тихом океане.

Автор текстов хоровых композиций С. Феокистов участвовал и в создании камерных вокально-поэтических номеров. Несколько его стихотворений стилизованы под романсы, посвящённые фронтовым друзьям, которых унесла война или догнали военные раны. Музыкальные боевые интерпретации композитора С. Томбака согревали душу поэта многие годы. Лучшим романсом с летящей и гибкой мелодией, мерцающей амурской жемчужиной называл Сергей Георгиевич свой «Первый снег» (1955) [26]:

*...Тянулись пихты в небо копьями,
Звенел детей счастливый смех.
А на Амур большими хлопьями
Ложился снег, наш первый снег...*

На партийном отчётном собрании Хабаровского отделения Союза писателей СССР (1958) Сергей Феокистов обобщил свой песенный багаж и опыт: «Дальневосточники ПОЮТ две песни Владимира Румянцева: «Идут

солдаты ротами» и «Шумы, Амур!». Остальные произведения дальневосточных песенников исполняются по поводу, в этом — две большие разницы.

Хоровые песни требуют простоты сюжета и красоты высокого слога. Тогда исполнитель становится участником событий песни, а слова и музыка сливаются в полноводный поток эмоций. Поэт Алексей Сурков написал 300 песен, а мы помним и поём, прежде всего, его «Землянку». Матвей Блантер создал музыку к сотне песен, а мир упрямо поёт на всех языках его «Катюшу» (1958, архив поэта).

В периодической печати Дальнего Востока найдётся немало примеров, когда заказная музыкальная композиция, написанная «по поводу» в темпе *moderato*, торжественно и «успешно» исполнялась однажды, а потом пылилась на полках музыкального фонда. Аналогичным социальным проектом-заказом была музыкальная комедия «Чайки над морем» (1954–1955), созданная композиторами С. Томбаком и Ф. Садовым на либретто и тексты песен С. Г. Феоктистова. Музыкальный спектакль Хабаровского краевого театра комедии раскрывал смекалку и народный юмор дальневосточных рыбаков (вчерашних морских пограничников), а лирические свидания молодых героев, романтические фантазии балета «Праздник моря» создавали настроение радостного праздника в те голодные послевоенные времена. «Драматург Сергей Феоктистов написал много хороших песен, остроумно построил ряд эпизодов и внёс в спектакль немало весёлых и ярких комедийных шуток» [1]. Поэтизация добра и любви обеспечивала оперетте симпатии и психологическую поддержку земляков. Самостоятельными эстрадными номерами артистов Хабаровской филармонии стали светлая песня «Девичья лирическая» и романтические куплеты «Склянки» в исполнении артиста В. Машука:

*Бьют на баке склянки, отгорел закат.
Звёзды-северянки скоро заблестят.
Ветерком обдует, грусть-тоска пройдёт.
Где пройдёт наш сейнер, там удача ждёт.
Гляди, рыбак, орлом вперёд!
Удача смелых в море ждёт!*

Песни оперетты выпорхнули со сцены музыкального театра, стали частыми участниками радиоконцертов. Музыкальные сатирические куплеты, острые частушки-диалоги о борьбе с приписками и очковтирательством, противниками передовых методик труда и бюрократами были главными причинами недолгой жизни комедии на краевой сцене [5]. Талант, критическое зрение журналиста и поэтическое вдохновение Сергея Феоктистова почти не поддавались идеологическому управлению.

Поэт не терпел скороговорочной и резонёрской поэзии. Его лирические стихи и отступления в поэмах — это мысли, впечатления, настроения философа, неброского внешне, но очень сущностного и темпераментного. На творческих вечерах поэт читал стихи, как молитву, словно каялся, что не всё получилось так, как он мечтал и хотел. И каждая его лирико-романтическая песня несла надежду. «Если песня не взлетела, значит, не получилась... Критики читают наши тексты 1-2 раза, а песни пропеваются много раз. Народ вживается в полюбившиеся строки... или забывает их. Неудивительно, что мнение критиков и народа не всегда совпадает...».

С. Феоктистов умел восторгаться и воспевать мастеров экстремальных профессий, мужественных и волевых пограничников, моряков, лётчиков, горняков... Его стихи-песни о первопроходцах дорог, железнодорожных мостов и магистралей, строителях городов и портов в суровых широтах всегда задавали эмоциональный заряд и достойны места в музыкальном атласе Дальнего Востока:

*...Под столетним кедром ночевали,
Укрывали ноги камышом.
Не костры нам душу согревали,
А мечта о городе большом...
Край восходов и сказочной лунности,
Сколько чувств разбудил ты в крови!
Комсомольск, Комсомольск — город юности,
Нашей первой большой любви...*

(«Песня о Комсомольске», 1955; муз. Б. В. Панкова, 2010) [28].

Композитор А. Ленский написал на стихи Сергея Феоктистова хоровую композицию «Возле речки-говорушки» (1958) [16]. Эта песня о лесной чаровнице вошла во все учебные «Хрестоматии по хоровому дирижированию» для музыкальных училищ (под ред. проф. А. В. Свешникова, 1960, 1961, 1963). Простота и живописность текста, волшебное течение сюжета песни сделали её учебным элементом для будущих музыкальных руководителей на целые десятилетия, где «первая строчка, как взмах руки дирижера, объединяет певцов и родную природу» [6]:

*Смейтесь, милые подружки,
Верю я в свою звезду:
Возле речки-говорушки
Счастье девичье найду! (1955).*

А соловьиный ответ, лиризм и темперамент парного мужского романса «Похолодало — Черёмуха цветёт» (1955) [30] через полвека дождались музыкального

отца — композитора Б. В. Панкова (2009). Сергей Георгиевич любил и умел благодарить за музыкальные подарки. Он с восторгом напоминал, как был признателен Евгений Долматовский, когда на его стихи «Комсомольская площадь» (1938) через сорок лет была написана музыка (Э. Ханок), а Эдуард Хиль спел этот гимн московской площади трёх вокзалов на юбилейном вечере автора поэмы «Комсомольцы-добровольцы». Но уже полвека ждёт своей музыки «Романс влюблённых вокзалов» Сергея Феоктистова, полный художественного вымысла и ностальгии по временам военной юности и вокзалов Дальнего Востока.

Амурские композиторы прославляли свой край в различных жанрах, но песня всегда была первой реакцией на юбилейные события. Индивидуальность Сергея Феоктистова узнавалась в официозных гимнах с первых строк. В 1950–1960-х годах на Дальнем Востоке не было популярнее поэта-песенника, он оставался «самым-самым народным поэтом до конца политической оттепели». Поэт-самородок умел пронзительными словами-оборотами и вибрирующими мазками-вспышками создать народное настроение, раскрыть горизонты души и красоту природы амурского края. На торжествах по случаю 100-летнего юбилея Хабаровска повсюду звучал вальс, исполненный ансамблем песни и пляски Дальневосточного военного округа: по радио, на праздничных концертах, на стадионе имени Ленина, в боевых частях:

*...Далеко уезжаем порою
От садов, что шумят над рекой,
Но сердцем с тобою, душою с тобою,
Амур родной!*

(«Хабаровский вальс»; муз. В. Румянцева, 1958) [36].

Некоторые стихотворения «Амурского запевалы» вдохновляли одновременно нескольких композиторов. Полвека назад, в далёком гагаринском году (1961), романтики Дальнего Востока распевали взволнованные строки С. Феоктистова «Космонавты — дети солнечной страны» на музыку А. Бередух, преподавателя музыкального училища из города Биробиджана. «Гагаринский цикл» песен Александры Пахмутовой ещё мечтал о стихах Н. Добронравова, а энтузиасты космического века маршировали по Хабаровску в мажорном темпе марша космонавтов «Здравствуй, солнце!» [20] композитора Петра Мирского на те же слова Сергея Феоктистова (апрель, 1961):

*Цветёт у Волги хлебный колос,
Амур в тайге берет разбег.
А мы летим в далёкий космос,
В края иных миров и рек...*

У молодых меломанов особой популярностью пользовался «Амурский вальс» (1962) [12], написанный для песенного конкурса к 40-летию освобождения Дальнего Востока от интервентов. В стихах звучали волнообразные ритмы великой реки, дальневосточная сила и мощь необозримых таёжных просторов. Напевая полюбившиеся слова «Амурского вальса», молодёжь вдохновенно вальсировала на танцплощадках Приамурья под разные музыкальные фантазии композиторов В. Беликова и А. Бередух, В. Кия и П. Мирского, под местные композиции нарождающихся самодеятельных ВИА:

*Весёлое солнце встаёт над тайгой,
Над гордой, крылатой амурской волной:
В лучах и долины, и сопок гряда —
Кто раз увидал, полюбил навсегда...*

Поэт неоднократно подчёркивал, что он — «не свидетель и соглядатай, а соучастник, идеологический работник, агитатор и пропагандист на исторических стройках края».

Для молодых строителей дальневосточных городов-спутников создавались строки, «настоянные на хвойных запахах тайги». Такие песни завоёвывали сердца земляков раз и навсегда:

*Снова сопки грозят нам бураном,
Беспощадным и злым, как свинец,
Но летит над Хинганом, звенит над Хинганом
Песня наших горячих сердец:
Ночёвки в палатках, свиданья в распадках
И наш огонёк на скале —
Храните, ребята, храните, девчата,
Вашу верность советской земле.
(«Огонёк на скале», 1965; муз. П. Мирского) [25].*

Феоктистов не считал себя поэтом власти, но был удачлив и знаменит, трудолюбив и очень работоспособен. Природный песенный талант и гражданская позиция Сергея Георгиевича подсказывали формы и слова, синхронные своему времени, прокладывали путь к сердцам и душам дальневосточников. Народная популярность и слава были защитным коконом поэта перед чиновниками идеологического надзора. Успешный песенник регулярно приглашался к подготовке патриотических празднеств по партийному плану. Он был поэтом своей эпохи, просеянный и провеянный ветрами истории и идеологии. Сегодня те юбилейные песни помнят только историки музыки, что ставили в пример гражданственность праздничных

текстов Сергея Георгиевича. «Песни-баллады на стихи С. Феоктистова о героях Гражданской войны и освобождения Дальнего Востока от интервентов играли социально-воспитательную роль в культурной жизни края. Композиторы В. Румянцев и Ф. Садовой сохранили героический дух исторического времени, аромат и цвет эпохи строительства и созидания. Их песни составляли репертуар концертных коллективов краевой филармонии и народных самодеятельных вокальных ансамблей, звучали в дальних гарнизонах и леспромхозах, украшали регулярные зональные и краевые фестивали, смотры и конкурсы» [2].

Самобытный талант и поэтическое мастерство десятилетиями гранились и оттачивались в сотрудничестве с музыкантами и исполнителями. Поэт умел слышать настроения времени, как и «непесенные места стихов». В своём непрерывном потоке творчества он мог, как монтажник, перекроить куплет, добавить рефрен или усилить финал. Так создавалась торжественная песня В. Баранова к награждению Хабаровского края орденом Ленина в яркой поэтической редакции стихов, выверенной временем:

*Край суровый, распадки лесные,
Говорливый амурский прибор...
...Что мы в сердце горячем носили
Сквозь кинжальную злую картечь,
Всё, что нам наказала Россия,
Как народное счастье беречь!*

(«Заветная земля», 1945; «Славься, наш край!», муз. В. Баранова, 1965) [18].

Счастливая судьба этой песни закономерна: полвека она открывала все краевые праздники, имела много переизданий и хоров-исполнителей, вошла в память нескольких поколений хабаровчан. Другие торжественные баллады о героях Дальнего Востока живут литературной жизнью в сочинениях и олимпиадах школьников и ждут высокого музыкального оформления и счастливого хорового исполнения:

*...Он знал имена музыкантов седых,
Расстрелянных вечером хмурым,
И помнил мальчишек — друзей фронтовых
Наш старый Утёс над Амуром...*

(«Баллада о старом Утёсе», 1978) [15].

Современники называли С. Феоктистова «энциклопедией дальневосточной песни», поскольку не было жанра, в котором не поработал бы этот

неуёмный экспериментатор — из интереса или самоутверждения. Его светлые стихи побуждали и композиторов края оставить после себя мажорный военный след. Для ансамбля песен и пляски ДВВО военными музыкантами были написаны целые циклы солдатских песен:

*...Над быстрой Уссури
Пылает флаг зари,
И вечер зажигает в небе Млечный путь.
Ведёт меня в дозор
Тропинка среди гор,
И тишина ложится мне на грудь...*

(«Над быстрой Уссури...», солдатская лирическая; муз. В. Кий, 1963) [23].

Автор тонкой и проникновенной лирики оставил простые и сердечные строки о красоте Приамурья. Дальневосточный простор песен военкора С. Феоктистова завораживал земляков и разносился демобилизованными воинами ДВВО по всей стране с новыми напевами.

В стихах Сергея Георгиевича могучая природа звучала в унисон мечтам человека мощнее индустриальных моторов. Непознаваемая, непрогнозируемая душа поэта живописала амурское раздолье романтическими музыкальными фразами, пробуждала «настроения прекрасные и чувства добрые». Многообразие тем и форм его поэзии, знания психологии жизни делали С. Феоктистова властелином дум и надежд земляков на протяжении полувека.

В самые серые времена поэт не позволял снижать уровень поэтической планки. Сначала по инерции, затем по высшей справедливости Сергея Георгиевича называли мастером малых форм. Мощная фольклорная основа поэта-самородка сохраняла традиции народной песни, опиралась на неисчерпаемую тему Амура как символа форпоста и защитника России. Его «заказные, юбилейные» песни, согретые сердцем и талантом поэта-воина, быстро расходились на цитаты в записных книжках:

*Здесь струятся с холмов его плёсы
В белоснежный амурский прибой.
И всю Азию видно с утёсов,
И вся Русь у него за спиной...*

(«Песня о Хабаровске», 1968–1973; муз. С. Пасецкого) [29].

Поэт много ездил по краю (1973), общался с читателями, а позже в новых песнях добивался единства изобразительности и реалистичности в пейзажной лирике:

*Июльский вечер над рекой парит.
Наш лайнер развернулся на Амур —
Мир окунулся в пламенный гламур
Амурской глади, золотой зари...
(«Амурская заря», 1973).*

Народное видение величия могучей реки раскрыто гармонией поэзии, музыки и живописи. Застывшая архитектура береговых скал, колоритные краски тайги, громада волн великой реки — вся сказочная амурская палитра подчинилась законам песенного жанра. Поэт достиг равновесия между прошлым и будущим, воссоединил красоту могучей природы с ритмом эпохи, пульсом родного города:

*...Красавец-город темперой горит,
Мозаикой искрится, куполами.
Он, словно пуповиной, связан с нами
Амурской гладью, золотом зари...
Симфонией рабочей покорит
Негромкий гул моторов бортовых,
Сольётся с тайной истин вековых
Амурской глади, золота зари...*

В эпоху серого прагматизма консервативная редакция вернула сонет автору «в связи с отсутствием трудовой патетики и социального сюжета». Но вердикт литературных чиновников не мог парализовать голос вдохновенного и одержимого певца Амура.

«После Пушкина нет нужды выдумывать и изобретать темы и жанры поэзии. Пушкинское море форм учит нас слышать и видеть мир в его многогранности и многозвучности», — наставлял Сергей Феоктистов, воспитанник Литературного института им. М. Горького, молодых слушателей краевых литературных семинаров. Он приветствовал стремление коллег к самосовершенствованию и свободе в творчестве. «Ценнее хорошо делать то, что ты умеешь и знаешь, а не то, за что больше платят», — поучал он коллег.

А сам всё чаще откладывал в стол сочинения в стиле блюза — печальные песни тоски и отчаяния. В 1980-е годы жанр песни пересыхал, становился всё мельче и уже. Всё чаще писались тексты к песням по заявкам. Песенный талант Сергея Георгиевича в перестройку обращался в военную юность: серая действительность не вдохновляла, безыдейность не согревала, никуда не звала:

*...Насквозь он амурской волною промыт,
Как воин, гордится своим караулом,*

*Защитан цветами, закован в гранит
Наш старый Утёс над Амуром...*

(«Баллада о старом Утёсе», 1978; муз. Б. Панкова) [15].

Инерция таланта и неугасаемая энергетика защищали поэта в жестокие периоды общественно-политических перемен и идеологического контроля. Ценой затворничества и жизненного аскетизма он сохранял творческую и художественную независимость перед столоначальниками. Свою преданность боевому знамени и идеалам, ностальгию по искренности и дружбе полковой запевала отдавал поэме о творчестве Петра Комарова, военного коллеги по литературному цеху:

*...В солдатских походах собрали немало
Мы песен таёжных, сказаний даурских.
И если мой друг — соловей приамурский,
То я — полковой запевала...*

В постперестроечные «прихваточные» годы о патриотизме, духовности и морали, о неразрывной связи человека и природы было неприлично даже вспоминать, а Сергей Георгиевич продолжал писать и читать стихи о любви к родному Приамурью. И дальневосточники проникались красотой слова и голоса поэта, яркостью его пейзажных зарисовок:

*Ни к чему нам стремиться в далёкий Тибет:
Наши дали прозрачней, закаты контрастней.
На Амур нас влечёт звёзд мерцающих свет —
Этих лунных мостов не встречали прекрасней.*

(«Амурский ноктюрн», 1988; муз. Б. Панкова, 2007) [13].

На пороге нового века и темы для песен иные, и авторы революционнее. Азартный и романтический песенник С. Феоктистов забыт, в литературно-музыкальных обзорах Дальнего Востока он почти не различим в рубрике «и другие». Но вопреки оценкам литературных чиновников и собственным возрастным хворобам, поэт продолжал пополнять свой репертуар то звонкой песней ручья, то тихими философскими размышлениями. Эти осмысления завершающего этапа жизни звучали неспешно, вполголоса, как исповедь или наказ. В каждом куплете слышны и художественные традиции песенников-комсомольцев 1930-х годов, и зрелый эмоциональный и нравственный заряд ветерана дальневосточной песни. Написанный в год 80-летия поэтического летописца ДВВО «Амурский сонет» остался в рабочем столе «по трусости редакторов, усмотревших критику участия в августовском путче маршала Д. Т. Язова, экс-командующего ДВВО, хотя создавался как наказ старого солдата»:

*...Сюда стремятся в молодые годы,
Чтоб мужества набраться у природы,
Чтоб выбрать службу и друзей на годы —
Себе на честь и на почёт народа.
Суровый край воспитывает смелых:
Здесь люди, словно кедры, в небо рвутся.
Вперёд приказа поднимают дело,
За то и патриотами зовутся.
Амурский закал отвагу отточит,
Хотя не всегда Звезду напророчит.
Амур суров, но справедлив, как бог:
Он воину поможет и подскажет,
Но слабого отступника накажет,
Если врага допустит на порог!
(«Амурский сонет», 1993).*

Неисправимый романтик и трудолюбец, необеспеченный и беспечный ветеран-фронтовик Сергей Феоктистов до конца века продолжал поэтические эксперименты, совершенствовал написанные и создавал новые разнообразные формы философских и лирических стихов во всём спектре чувств старого солдата: от гордости и восторга до сожаления и грусти. Он чутко улавливал молодёжные настроения, был совестью и душой поэтических семинаров, слышал нарождавшийся голод по живой, романтической песне. Случалось, что для гостей мог исполнить в бешеном *allegro* юмористические куплеты на тему дня или эпиграмму... И, если вдруг подвыпивший герой обиженно называл его солдафоном-рифмоплётотом, то в ответ с лёту получал звучную шараду, которая долго «кружила» в литературных объединениях и музыкальных салонах города.

Память земляков по крупицам накапливала и формировала песенный фонд поэта и легенды о дерзком и ярком авторе-юмористе. Сегодня трудно разграничить, где закончилась история песенного богатства Сергея Феоктистова и где начались мифы-сказания. Первым профессиональным композитором, который заметил мелодичность стихов молодого лейтенанта С. Феоктистова, был Матвей Блантер, автор музыки легендарной «Катюши» со словами М. Исаковского. Руководитель ансамбля песни и пляски Киевского военного округа написал музыку к нескольким песням морского лётчика и даже возил их общую «Песню о лётчиках» в Колонный зал Москвы на концерт для участников съезда ВКП(б), съезда Победителей (1938)... В конце века ветеран

Сергей Георгиевич солидарно повторял резюме обожаемого мастера массовой песни: «Может быть, я сделал очень мало. Но сделал всё, что мог сделать художник моих способностей и моих возможностей» (М. Блантер, 1989).

Сергей Георгиевич и при жизни знал о народном признании и всесоюзной славе своих песен, сказок, басен; знал и о байках-приказках о своей персоне. В XXI веке творческое наследие С. Феоктистова возродилось и необъятно распространилось, благодаря Интернету. Это обязывает провести объективный исторический разбор и профессиональный анализ литературной лаборатории поэта. Исследования баланса традиций и новаторства его песенного наследия послужили бы патриотическому просвещению земляков, возрождению искренних народных песен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бенкендорф, С. «Чайки над морем» : рецензия на музыкальную комедию / С. Бенкендорф // Тихоокеан. звезда, 1955. — 17 февр. — С. 2. — Рец. на оперетту «Чайки над морем».
2. Больбат, Н. И. Повышение культурного уровня трудящихся Хабаровского края / Н. И. Больбат // Культурное строительство на Дальнем Востоке СССР : сб. ст. — Хабаровск, 1980. — С. 112–134.
3. Лебединский, Л. Против ремесленничества в песенной поэзии / Л. Лебединский // Совет. музыка. — 1949. — № 7. — С. 26–30.
4. Пуцин, И. «Сахалинское утро» / И. Пуцин // Мол. дальневосточник. — 1951. — 10 янв. — С. 2. — Рец. на сб.: Феоктистов С. Сахалинское утро : стихи. — Хабаровск : Дальгиз. — 1950.
5. Рогаль, Н. М. Ближе к жизни, не отставать от бурного развития советской действительности / Н. М. Рогаль // Дал. Восток. — 1954. — № 3. — С. 171–176.
6. Свешников, А. В. Искусство пения / А. В. Свешников // Молодёж. эстрада. — 1962. — № 3 (111). — С. 158.
7. Соловьёв-Седой, В. И. Пути-дороги : воспоминания, рассказы о песнях, мысли об искусстве / В. И. Соловьёв-Седой. — Ленинград, 1983. — С. 113, 165, 184.
8. Сохор, А. Русская советская песня / А. Сохор. — Ленинград, 1959. — С. 432–433.
9. Федотов, А. Песенные километры / А. Федотов // Тихоокеан. звезда. — 1983. — 7 авг. — С. 3.
10. Феоктистов, С. Г. Амур, наш батюшка («Шуми, Амур...») / С. Г. Феоктистов ; муз. В. Румянцева // Суворов. натиск. — 1952. — 11 мая. — С. 4 : ноты.

11. Феоктистов, С. Г. Амурская молитва («На правом, на высоком берегу») / С. Г. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 2005. — 4 авг. — С. 3: — [В ст. С. С. Феоктистовой «И, как всегда, шумел Амур...»].

12. Феоктистов, С. Г. Амурский вальс («Весёлое солнце встаёт над страной...») / С. Г. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 1962. — 29 июля. — С. 3.

13. Феоктистов, С. Г. Амурский ноктюрн («Ярчайшие краски амурских закатов...») / С. Г. Феоктистов ; муз. Б. Панкова // Суворов. натиск. — 2007. — 20 дек. — С. 8 : ноты.

14. Феоктистов, С. Г. Баллада о ненависти («В годину тяжкую одну ушли три брата на войну») / С. Г. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 1944. — 17 сент. — С. 2.

15. Феоктистов, С. Г. Баллада о старом Утёсе («Он знал имена музыкантов седых...») / С. Г. Феоктистов // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2008. — Вып. 21. — С. 59. — [К 70-летию Хабаровского края].

16. Феоктистов, С. Г. Возле речки-говорюшки, («...у крутого бережка») / С. Г. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 1955. — 22 мая. — С. 2. — [«Лирические стихи»].

17. Феоктистов, С. Г. Жена солдата («С утра двухлетнего сынишку...») / С. Г. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 1943. — 7 марта. — С. 2.

18. Феоктистов, С. Г. Заветная земля («Край мой милый, хоромы лесные...») / С. Г. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 1945. — 27 мая. — С. 4.

19. Феоктистов, С. Г. Здравствуй, пташка моя голосистая! («Отпылала заря золотистая...») / С. Г. Феоктистов ; муз. Г. П. Угрюмова // Тихоокеан. звезда. — 1955. — 12 июня. — С. 3 : ноты.

20. Феоктистов, С. Г. Здравствуй, солнце! Марш космонавтов («Цветёт у Волги хлебный колос») / С. Г. Феоктистов ; муз. П. Мирского // Тихоокеан. звезда. — 1961. — 30 апр. — С. 3 : ноты.

21. Феоктистов, С. Г. «Край мой милый, хоромы лесные...» / С. Г. Феоктистов // Литературный путеводитель, 1934–2004 : Хабаровские писатели: судьба и творчество : библиогр., проза, поэзия / под общ. ред. М. Ф. Асламова. — Хабаровск, 2004. — С. 291.

22. Феоктистов, С. Г. На самом дальнем рубеже («Курильский мыс. Гранит причала...») // Сахалинское утро : сб. стихов / С. Г. Феоктистов. — Хабаровск, 1950. — С. 37.

23. Феоктистов, С. Г. «Над быстрой Усури» (...пылает флаг зари) : Солдатская лирическая / С. Г. Феоктистов ; муз. В. Кий // Суворов. натиск. — 1963. — 13 окт. — С. 4 : ноты.

24. Феоктистов, С. Г. О мужестве («По-детски нежная, с обветренным лицом...») / С. Г. Феоктистов ; муз. В. Райнарт-Румянцева // Тревога, 1942. — 30 мая. — С. 3.

25. Феоктистов, С. Г. Огонёк на скале («Нет, недаром мы юными были...») : [Песня нашей юности] / С. Г. Феоктистов ; муз. П. Мирского // Тихоокеан. звезда. — 1965. — 31 янв. — С. 4 : ноты.

26. Феоктистов, С. Г. Первый снег («Морозной ночью над протокою...») : Романс / С. Г. Феоктистов ; муз. С. Томбак // Тихоокеан. звезда. — 1955. — 9 окт. — С. 3.

27. Феоктистов, С. Г. Песня о героях полюса («Сквозь снежные хлопья буранов...») / С. Г. Феоктистов // Ейская правда. — 1937. — 26 июня. — С. 1.

28. Феоктистов, С. Г. Песня о Комсомольске («Никогда не зарости травой») / С. Г. Феоктистов // Тихоокеан. звезда. — 1955. — 2 окт. — С. 4.

29. Феоктистов, С. Г. Песня о Хабаровске («Нет, друзья, не бессонница это...») / С. Г. Феоктистов) ; муз. С. Пасецкого // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2008. — Вып. 21. — С. 48–49. — [К 70-летию Хабаровского края].

30. Феоктистов, С. Г. Похолодало («И сыплет снег с дождём») / С. Г. Феоктистов // Панков Б. В. Солнце восходит с востока : песни, хоры на стихи дальневосточных поэтов / Б. В. Панков. — Хабаровск, 2011. — С. 193–195.

31. Феоктистов, С. Г. Родина зовёт («Голодный ворон каркает над нами...») / С. Г. Феоктистов // Тревога, 1942. — 31 июля. — С. 1.

32. Феоктистов, С. Г. Сердце пылкое моё («Нежно, как могла, поцеловала...») / С. Г. Феоктистов ; муз. С. Томбак // Тихоокеан. звезда. — 1955. — 22 мая. — С. 2.

33. Феоктистов, С. Г. Соколу моей Родины («Ты возмужал и окреп в бою») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1942. — 2 сент. — С. 3.

34. Феоктистов, С. Г. Сын («Есть под Полтавой в чистом поле») / С. Г. Феоктистов // Пограничник. — 1945. — № 23. — С. 59.

35. Феоктистов, С. Г. Фронтовик Иван Петров («Сахалинский зверолов...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1942. — 18 окт. — С. 4.

36. Феоктистов, С. Г. Хабаровский вальс («Расцвели огоньки над тайгой») / С. Г. Феоктистов ; муз. В. Румянцева // Молодой дальневосточник. — 1958. — 31 мая. — С. 4 : ноты. — [К 100-летию города Хабаровска].